ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ АРАВИИ

А.М. ВАСИЛЬЕВ
Академик РАН

Ключевые слова: король Абдель Азиз, Мухаммед ибн Абдель Ваххаб, шериф Мекки Хусейн ибн Али (шериф Хусейн), Перси Кокс, Гарри Сен-Джон Филби

Аравийский полуостров, где в VII в. н.э. родился ислам, долгие столетия оставался как бы на задворках великих мусульманских империй. Лишь священные города Мекка и Медина были важны для властителей Дамаска или Багдада, Стамбула или Каира. Но в середине XVIII в. в центре полуострова возникло мощное объединительное движение во главе с эмиром небольшого оазиса Мухаммедом ибн Саудом и вероучителем Мухаммедом ибн Абдель Ваххабом.

Эмир был основателем рода Саудидов, по-арабски - Ааль Саудов (при переводах слово «ааль» (дом, семья) часто путают с артиклем «аль»). Было создано государство, объединившее большую часть полуострова, включая Мекку и Медину. Оно бросило вызов Османской империи, но в 1818 г. было разгромлено войском египетского паши. Затем оно возродилось на ограниченной территории со столицей в Эр-Рияде, но рухнуло в результате соперничества в семье правителя и под ударами возвысившегося эмирата Джебель-Шаммар, османского вассала, где правило семейство Ибн Рашидов.

Последний эмир Эр-Рияда Абдуррахман в 1891 г. бежал с семьей в пустыню, долго жил среди кочевников, поселившись затем в качестве изгнанника в Кувейте. Его сопровождали сыновья, старшим из которых был Абдель Азиз.

Вместе с сыновьями Абдель Азизом и Мухаммедом, которым тогда было по 10 лет, и другими родственниками Абдуррахман нашел убежище в племени *аль-мурра* (бану мура), кочевавшем у самой кромки великой аравийской пустыни Руб-эль-Хали. Мать Абдель Азиза и другие женщины семьи позднее направились на Бахрейн под покровительство тамошнего шейха.

Жизнь среди *аль-мурра* была тяжелой, полной лишений. Эти бедуины постоянно находились на грани гибели от голода. Питались финиками и верблюжьим молоком, изредка могли подстрелить газель, зайца или дрофу. Они ели даже мясо ящериц и горных крыс, что считалось запретным для верующих мусульман, да и в целом небрежно относились к выполнению требований ислама. Но они были смелыми, воинственными, жестокими воинами и наводили ужас на караваны.

ПЕРВЫЕ «УНИВЕРСИТЕТЫ» АБДЕЛЬ АЗИЗА

Абдель Азиз мальчиком и подростком усвоил уроки выживания и войны в пустыне. Он спал под открытым небом, участвовал в набегах и охоте, мог по следам определить, кто и когда прошел через какую-то местность. Он научился ухаживать за верблюдами, преодолевать верхом огромные расстояния, имея для пропитания только небольшой мешок фиников и бурдюк кислого молока.

В это время у его отца Абдуррахмана появился шанс сыграть по старым законам борьбы в пустыне. Османский вассал эмират Джебель-Шаммар, установив господство над всем Неджд, резко усилился. Это не устраивало турок. Им нужен был противовес Ибн Рашидам, чтобы держать вассала на коротком поводке, чтобы он был слабым и постоянно в них нуждался.

Точно так же рассуждал враг *шаммаров* - шейх Кувейта Мухаммед, который не хотел повторить судьбу Ааль Саудов, потерявших свои владения под ударами Ибн Рашидов. В 1893 г. он пригласил Абдуррахмана с семьей в Кувейт, а турки выделили бывшему правителю Неджда небольшое содержание - 60 золотых лир в месяц.

Семья Абдуррахмана стала жить в одноэтажном трехкомнатном доме с внутренним двориком. Она оказалась в униженном положении гостей на содержании. Абдель Азиз бродил по узким улочкам глинобитного городишка Эль-Кувейта, пил кофе с друзьями, посещал порт и базары. Слушал и запоминал рассказы отца о великом прошлом их семьи. Он молился и мечтал о великом будущем. Его буквально разрывали изнутри энергия и желание покончить со своим положением изгнанника, мечты о возвращении славы предков, о восстановлении государства Ааль Саудов, созданного полтора века назад. Он усваивал и руководствовался положениями веры, полученными еще в Эр-Рияде от шей-

ха Абдаллы ибн Абдель Латыфа Ааль аш-Шейха, на дочери которого он женится после взятия Эр-Рияда.

Кувейт в конце XIX в. стал одним из центров интриг великих держав. У Германии вызрел план прорыва к Персидскому заливу, который Великобритания считала своим внутренним озером, с помощью строительства Багдадской железной дороги с выходом на Кувейт. Смутные планы такого же рода вынашивала и царская Россия. В самом Кувейте в правящей семье произошел раскол. После того, что мы сегодня назвали бы кровавым государственным переворотом, в 1896 г. власть взял шейх Мубарак Ааль Сабах. В 1899 г. он тайно принял английский протекторат, чтобы защитить себя от тяжелой руки турок.

Мубарак жил какое-то время в Бомбее, стал курить, пристрастился к «роскоши» (по аравийским понятиям), у него были затянутые парчой кресла и карета на выезд. Бывало, он приглашал из Басры танцовщиц и музыкантов, чтобы развлечься. И танцы, и музыка, и табак, и картины в его доме, особенно изображения женщин, и «роскошь» в одежде и мебели, помпа, с которой он выезжал, - все это было чуждо для глубоко религиозного Абдуррахмана. Но его сын Абдель Азиз подружился с Мубараком, называя его «вторым отцом». Шейх Кувейта приглашал его на свои государственные маджлисы, где юноша знакомился с новыми идеями, новыми лицами, привычками, образом мыслей. Он видел иностранцев - купцов, путешественников, французов, англичан, русских и немцев. Он наблюдал, как Мубарак - этот гроссмейстер аравийской дипломатии и политики - общается с ними.

Для Мубарака Ааль Сауды были не просто гостями, но военными союзниками. В 1900 г. кувейтцы вместе с воинами Абдуррахмана и союзными с ним бедуинами выступили против Джебель-Шаммара, где правил Абдель Азиз ибн Митаб ибн Рашид (чтобы читатель не запутался в похожих именах, мы будем называть его Ибн Митабом).

Сын Абдуррахмана - Абдель

Абдель Азиз

Азиз с небольшим отрядом захватил город Эр-Рияд, но цитадель взять не смог. Основные силы Мубарака и его союзников в феврале-марте 1901 г. потерпели поражение в битве при Эс-Сарифе. Абдель Азиз ибн Абдуррахман, спасая себя и свой небольшой отряд, вынужден был вернуться в Кувейт. Английский военный корабль обстрелял войско Ибн Митаба, осаждавшее Эль-Кувейт, и оно ушло в пустыню. Военные действия против Ибн Митаба казались безнадежным делом.

Для всех, кроме Абдель Азиза.

ПЕРВЫЕ ВОЕННЫЕ УСПЕХИ

Он уговорил Мубарака помочь ему. Тот дал ему 30 верблюдов, 30 винтовок с патронами и 200 риалов золотыми монетами.

В середине 1901 г. Абдель Азиз оставил с отцом двух жен и своего первенца - сына Турки. Собрав примерно 40 своих родственников и друзей, среди которых были его брат Мухаммед и двоюродный брат Абдалла ибн Джилюви, он отправился в поход, готовый погибнуть или победить. В надежде на добычу к нему по пути присоединились несколько тысяч бедуинов. Но успехов не было, и бедуины покинули его. Кочевники и жители оазисов боялись гнева Ибн Митаба и не решались на восстание. Может быть, это и предопределило успех его авантюры, так как его крохотный отряд сумел передвигаться, не привлекая внимание противника.

После всех неудач Абдель Азиз собрал своих людей и сказал, что пойдет до конца. Тот, кто хочет его покинуть, может уйти, тот, кто хочет рискнуть вместе с ним, пусть останется. С ним осталось 30 верных родственников и друзей и 10 жителей Эр-Рияда.

Все обстоятельства как будто были против Абдель Азиза.

Однако Абдель Азиз решил рискнуть еще раз, и 12 января 1902 г. появился в окрестностях прежней столицы Ааль Саудов.

Отдохнув в небольшом оазисе, он оставил в нем отряд своих людей с верблюдами и лошадьми, дав им указание бежать в случае, если он не вернется к утру. Остальные направились к полуразрушенным стенам города.

Темной ночью воины во главе с Абдель Азизом перелезли через стену и пробрались в дом к своему сторонникуИбн Джувейсиру, который жил рядом с домом шаммарского губернатора Аджляна ибн Мухаммеда. Аджлян был женат на одной из жительниц Эр-Рияда и посещал ее днем, но ночи предпочитал проводить в крепости Эль-Мисмак с гарнизоном, насчитывающим примерно 80 человек.

Ибн Джувейсир накормил Абдель Азиза и его воинов, и затем они направились в дом, где находилась жена Аджляна. Самого губернатора там не нашли, но его жену и родственницу заперли в одной из комнат. Абдель Азиз послал за своим братом Мухаммедом и его маленьким отрядом, оставленными за городом. Все собрались в доме. Жена Аджляна сказала, что губернатор мог прийти к ней после утренней молитвы, и они решили ждать. Напряжение в горстке воинов, которые уже явно чувствовали авантюризм своих действий, достигло предела.

Наступило утро 15 января 1902 г. Наконец Аджлян с небольшой охраной появился из дверей крепости. Абдель Азиз и его воины открыли огонь и бросились на губернатора. *Шаммары*

попытались бежать. Лишь в самый последний момент Абдалла ибн Джилюви убил губернатора уже в крепости Мисмак, которая стала знаменитой туристической достопримечательностью Эр-Рияда. Предание гласит, что в воротах крепости застряло острие копья Абдель Азиза, а на ее стенах сохранилась кровь Аджляна.

На самом высоком минарете мечети появился муэдзин и возвестил: «Власть принадлежит Аллаху, затем - Абдель Азизу!»

Воспользовавшись фактором внезапности, воины Абдель Азиза расправились с шаммарским гарнизоном, находившимся в крепости, а затем перебили тех из них, кто был в городе. Два десятка шаммаров, запершихся в башне крепости, были отпущены под честное слово. Молодой эмир потерял только двух человек убитыми и трех ранеными. Дерзкий, отчаянный, почти самоубийственный, безрассудно храбрый захват Эр-Рияда создал ореол удачи и победы вокруг Абдель Азиза.

Эр-риядцы принесли присягу на верность Абдель Азизу, который немедленно стал укреплять стены столицы. Когда Ибн Митаб узнал о падении Эр-Рияда, он пришел в ярость и поклялся отомстить своим традиционным врагам. Тем временем к Абдель Азизу подошло подкрепление, посланное из Кувейта, - 70 бойцов во главе с его другим братом - Саадом. До прихода *шаммаров* молодой эмир успел расширить контроль над территорией вокруг столицы.

Абдель Азиз встретил с почетом отца, прибывшего из Кувейта. Взаимопонимание между сыном и отцом было полным. Абдуррахман передал все главные политические и военные дела в руки сына, оставшись имамом мусульман и главным советником Абдель Азиза. Сын оказывал знаки беспредельного уважения и любви к отцу.

Воспользовавшись передышкой, предоставленной ему *шаммарами*, Абдель Азиз стал наносить удары по всем направлениям. В Южном Неджде Абдель Азизу помогло племя *давасир*, знать которого была связана с ним родственными узами. Он перемещался из оазиса в оазис, из племени в племя. Он вдохновлял людей на борьбу, уговаривая глав оазисов и племен присоединиться к нему, споря с ними, убеждая их. Он спал настолько мало, что иногда просто падал на землю где-нибудь в палатке, чтобы отдохнуть два-три часа. Наконец, при Диламе он смог разгромить превосходящие силы Ибн Митаба. Возврат Эр-Рияда был авантюрой, которая удалась. На этот раз *шаммары* были разгромлены в открытом бою. Последовали новые сражения.

Карта Аравийского полуострова начала 1970-х гг.

Абдель Азиз проявил себя сильным военачальником, который просчитывал действия свои и своих врагов на много шагов вперед. Когда весной 1903 г. Ибн Митаб осадил Эр-Рияд, Абдель Азиз находился близ Кувейта. Он не поспешил на помощь отцу, защищавшему укрепленную столицу, а продвинулся в Эль-Касим на север, угрожая путям снабжения противника. Узнав об этом, Ибн Митаб снял осаду и быстро отошел, чтобы оказать помощь своим силам на севере. В 1904 г. Абдель Азиз уже контролировал Неджд примерно на 100 километров к северу от Эр-Рияда.

Шла война не только двух аравийских эмиратов. Было и личное соперничество между Абдель Азизом и Ибн Митабом. Правитель Джебель-Шаммара был невысокого роста. Он отличался грубостью, нетерпимостью и жестокостью. Его не любили, но боялись. Он понимал только силу. Он сражался за добычу и был разрушителем, а не созидателем. Но он был очень храбрым и опытным воином.

Абдель Азиз - человек гигантского роста, казался полной противоположностью своему сопернику. Он добивался расположения племен. Он знал, как потрафить их гордости и как пренебречь их недостатками. Он обладал качествами, которыми арабы восхищались. Он был бесконечно щедрым и «демократичным», осыпал подарками своих сторонников. Он был великий мужчина, великий любовник и отчаянно мужественный воин. Несмотря на свое строго мусульманское воспитание, он любил шутки и смех. Кроме того, он был молод, полон религиозного рвения и энергии, а соперник уже старел. Абдель Азиз завоевывал не для разрушения, а для наведения порядка и обеспечения безопасности. Он не грабил, а брал военную добычу, распределяя ее по справедливости между воинами. Но

он должен был быть беспощадным.

Английский автор Г.Армстронг передает рассказ о том, как Абдель Азиз захватил в плен Убейда, одного из родственников Ибн Митаба. Когда пленного привели к нему, он спросил, не сходя с коня: «Это ты, Убейд ибн Рашид, убил моего дядю Мухаммеда в Эр-Рияде?» Он вытащил саблю, которую подарил ему его отец, не торопясь, подержал ее в руке. «Не убивай меня, о Абу Турки!» - воскликнул Убейд. «Сейчас нет места для жалости, - ответил Ибн Сауд, - я должен совершить справедливость, а справедливость - это возмездие за убийство». Он опустил саблю на голову Убейда, ударил снова и разрубил третьим ударом его грудь, где еще билось сердце. Он поцеловал свою саблю, вытер ее и задвинул в ножны[1].

В истории легенда не менее важна, чем сам факт. Неважно, состоялся ли подобный разговор между эмиром Эр-Рияда и его пленником. Ведь по некоторым данным, Мухаммед, дядя Абдель Азиза, не был убит, а умер от болезни. Но важно то, что врагов Абдель Азиза настигало возмездие, и это должны были знать все.

Однако быстрый успех Абдель Азиза не устраивал турок. Противовес Джебель-Шаммару - да, самостоятельный, сильный Неджидийский эмират - нет. Они решили вмешаться.

В июне 1904 г. турецкий отряд - примерно 2 тыс. штыков с 6 орудиями - был направлен из Басры в Неджд. В одном из сражений эмир Эр-Рияда был тяжело ранен. В поражении он проявил ту же силу духа, что и в победах. Он смог восстановить свое войско, собрав и кочевников, и оседлых, и переломить ход военных действий. И Ибн Митаб, и турки были разгромлены.

Несмотря на молодость и упоение победой, Абдель Азиз был мудр. Он понимал, что не может бросить вызов Османской империи. Уже тогда молодой лидер умел ждать, когда придет его час. С помощью отца и шейха Кувейта Мубарака он решил помочь туркам сохранить лицо. Абдурахман написал письмо губернатору Басры, утверждая, что во всем виноваты *шаммары*, которые втравили турок в столкновение с его сыном. Был достигнут компромисс. Турки послали небольшие гарнизоны в города Эль-Касима - Бурайду и Анайзу, где в воскресных (пятничных) проповедях стало упоминаться имя султана. Но одновременно они признали Абдель Азиза правителем Неджда.

Новые турецкие войска, посланные из Багдада и Хиджаза, вынудили неджидийцев на словах признать сюзеренитет султана. Тем временем восстание в Йемене заставило турок перебросить туда часть войск из Неджда. Османские гарнизоны быстро таяли в результате болезней и дезертирства, и в 1906 г. они были вынуждены эвакуироваться в Хиджаз и Ирак. Из посланных за два года 4,5 тыс. солдат вернулось менее 1 тыс. Это было полным поражением. По словам летописца Сауда ибн Хизлюля, когда османские войска покинули Эль-Касим, «они еще были за это благодарны». Они ушли из Неджда навсегда.

Но еще до их ухода 13 апреля 1906 г. произошло сражение войска Абдель Азиза с Ибн Митабом.

На рассвете саудовцы атаковали лагерь Ибн Митаба, обстреляв его предварительно из пушек. Правитель Джебель-Шаммара стал метаться, пытаясь восстановить порядок. Он пробился к знамени Ааль Рашидов, которое уже попало в руки воинов Абдель Азиза. Думая, что это его люди, Ибн Митаб прокричал им что-то на шаммарском диалекте, был опознан и сразу убит. *Шаммары* в панике бежали. Воины Абдель Азиза отрубили голову Ибн Митабу и показывали ее в Бурайде и Анайзе. Таков был конец храброго военачальника, но неудачливого политика, смерть которого открыла период нестабильности в Джебель-Шаммаре.

ТРАДИЦИЯ КАК ГОТОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Абдель Азиз был сыном своего времени, своих социальных условий, своих традиций, менталитета, своих понятий о чести, великодушии, жестокости. Проиграй он битву, с ним поступили бы точно так же.

Отправляясь в поход, Абдель Азиз никогда не брал с собой постель, и лишь впоследствии ему везли в обозе железную кровать. Он спал на ковре, брошенном на песок. Когда он ложился, то всегда рядом с собой клал саблю. Иногда, опасаясь предательского удара, он даже не лежал, а полусидя дремал, положив подбородок на руки, а руки на эфес сабли, которая была воткнута в песок. Он всегда был начеку, хотя его окружали телохранители. Его лошадь всегда стояла рядом с палаткой, и он был готов вскочить на нее и скакать без седла и уздечки. Его образ жизни превратил его тело в сгусток мускулов и сухожилий. Он ел и пил, как придется, и впоследствии страдал от желудочных расстройств и от раны в живот.

Его энергия казалась бесконечной. Он работал день и большую часть ночи. Сидя у входа в палатку, он беседовал с теми, кто к нему приходил, выслушивал жалобы, разрешал споры. Ему приносили донесения и новости. Он прекрасно знал свою страну, историю племен и оазисов, жизнь горожан и бедуинов. Он знал, как разбивать лагерь, организовывать поставки питания, добывать фураж. Его приказы были осмысленны и разумны. Но даже в самых тяжелых ситуациях он никогда не забывал совершать пятикратные молитвы.

В военных походах, особенно в битвах, он был возбужден, его глаза сверкали, но он не терял при этом холодного рассудка. Все вокруг него выматывались, как выматывался и он сам. Он загонял себя до изнеможения. Но после победы над Ибн Митабом ему предстояло ждать еще долгих пятнадцать лет, прежде чем он присоединил Джебель-Шаммар.

Шаммары еще не были сломлены. Взять столицу Джебель-Шаммара, победить *шаммаров* в их собственной стране Абдель Азиз пока не мог. Они оставались угрозой, но не смертельной. В семье Ааль Рашидов начался раскол. Это еще больше ослабляло

враждебный эмират. Вождя, даже отдаленно равного Абдель Азизу, семья Ааль Рашидов выдвинуть не смогла.

Таковы были первые годы деятельности Абдель Азиза после возвращения в Неджд. Они стали легендой.

Абдель Азиз тогда был в расцвете сил. Огромный, мощный, сухощавый, подтянутый, он был признанным предводителем с репутацией мужественного воина, с ореолом победы, которая шла за ним. Он был военачальником, который нанес поражение туркам, освободил Неджд от Ааль Рашидов, добился успеха благодаря своему уму, мужеству, красноречию, умению руководить. Он был мощным мужчиной, который вступал в многочисленные браки, что увеличивало его популярность. Но об этом впереди.

Однако материальные возможности эмирата были слишком скудны для поддержания устойчивого правления. Все понимали, что бедуины не признают власть нового хозяина, если он запретит им проводить набеги и не даст ничего взамен. Они присоединялись к Абдель Азизу не потому, что были преданы его семье, а потому, что рассчитывали на добычу в победоносных походах. Правитель Неджда запрещал им совершать набеги без своего позволения и беспощадно наказывал всех, кто ему не подчинялся. Бедуины были готовы изменить ему в любой момент и всегда пытались ускользнуть из-под его контроля.

Абдель Азиз находился под постоянным наблюдением окружающих, под оценивающими взглядами улемов, которые считали только себя хранителями ортодоксии. Может быть, это его задевало, но он никогда не показывал своего раздражения. Конечно, он был искренним мусульманином, он молился, постился, занимался благотворительностью, как истово верующий. Он не пил и не курил. Не носил роскошных одежд. Но все-таки улемы ему не совсем доверяли. Он был веселым и мог смеяться, хотя они считали это предосудительным. Он позволял своим бойцам петь во время походов. В политике он был прагматиком. Обнаружив, что некоторые жители Анайзы курят, он не наказал их, хотя с точки зрения ортодоксии должен был это сделать.

Абдель Азизу помогали родство с семейством потомков Ибн Абдель Ваахаба и репутация его отца Абдуррахмана. Имаму улемы доверяли. Большую часть времени он проводил в молитвах, в чтении религиозных книг, отличаясь крайней набожностью. Он служил как бы связующим звеном между сыном и улемами, если в этом была необходимость.

Воины пустынных горизонтов.

Новый удар пришел с неожиданной стороны. Усиление Неджидийского эмирата не устраивало шейха Кувейта Мубарака по тем же причинам, что и турок. Прежний союзник и покровитель Абдель Азиза, которого он называл в письмах «отцом», стал интриговать против него.

Между Кувейтом и Неджидом лежали земли, где закрепилось племя воинственных *мутейров*. Мубарак установил связи с шейхом *мутейров* Фейсалом Ааль Давишем и склонил его к союзу с Ааль Рашидами.

Осенью 1907 г. произошла битва неджидийского эмира с *шаммарами* и *мутейрами* при Тарафийе, во время которой его лошадь была убита, а сам он упал, сломав ключицу. Битва не дала перевеса ни одной из сторон.

Можно себе представить мучения Абдель Азиза, лежавшего без сна и корчившегося от боли в своей палатке. Ведь никаких обезболивающих средств он не знал. Но утром, преодолев дикую боль, он повел своих воинов в атаку. *Шаммары* бежали. После этого он атаковал *мутейров* и разрешил своим воинам грабить и сжигать их селения вплоть до границ Кувейта, захватывать палатки и скот. Он преследовал *мутейров*, пока они не приползли просить пощады.

Тем временем в Стамбуле взяли власть «младотурки». Они попытались укрепить свои позиции в арабских странах, в частности в Хиджазе, где находились священные города Мекка и Медина, и завершили строительство железной дороги из Дамаска в Медину. В 1908 г. шерифом Мекки и правителем Хиджаза был назначен Хусейн ибн Али, потомок Пророка, который долгое время жил с семьей в Стамбуле и считался «своим». Ему было уже за пятьдесят. Он хорошо знал, как вести дела с турками. Но был упрямым, подо-

Король Абдель Азиз (второй слева) с ближайшими родственниками.

зрительным и бесконечно честолюбивым.

За два года правления шериф Хусейн постарался доказать Высокой Порте свою преданность, совершив поход в Асир, в то время как турки были заняты подавлением восстания имама Яхьи в Йемене. В конце лета 1910 г. шериф, собрав бедуинское ополчение, вторгся в Неджд. По пути ему удалось случайно пленить брата Абдель Азиза - Саада.

Абдель Азиз готовился к действиям против хиджазцев, когда узнал, что у него за спиной началось восстание, которое возглавили его двоюродные братья, сыновья Сауда, брата и соперника его отца, который когда-то правил в Эр-Рияде. Они опирались на мощное и воинственное племя *аджманов*, со знатью которого породнились.

Абдель Азиз никогда не бился головой об стену. Он понимал, что, если у него за спиной восстание, он не справится с ненавистным Хусейном. Поэтому, проглотив гордость, он быстро заключил с ним мир, заплатил выкуп за Саада. Абдель Азиз обещал выплачивать султану 6 тыс. риалов в год и подтвердил формальный сюзеренитет турок над Неджд ом. После этого Саад был освобожден, и Хусейн вернулся в Мекку. Эр-риядский эмир, однако, не собирался выполнять условий соглашения, не платил никакой дани, и признание сюзеренитета султана оставалось на словах.

После заключения мира с шерифом Мекки Абдель Азиз направился в Эль-Харик, чтобы подавить там восстание. Все захваченные члены клана Ааль Хаззани, участвовавшие в мятеже, были казнены. Но главу восстания, своего двоюродного племянника Сауда ибн Абдаллу ибн Сауда, он простил, и тот верно служил ему до конца жизни. Другие лидеры восстания бежали в Хиджаз, где шериф предоставил им убежище.

Эта история летела от оазиса к оазису, от племени к племени. Все должны были знать, как Абдель Азиз расправляется с предателями и как он справедлив к тем, кто ему предан.

Абдель Азиз основные государственные функции выполнял публично. В Эр-Рияде он садился на ступени своего дворца перед собранием гостей, горожан, простых бедуинов. На бивуаках он сидел у входа в палатку или же у мечети в тех селениях, где не было ни дворцов, ни крепостей. Его окружали местные шейхи, личная охрана из лучших воинов и преданных африканских рабов. Все они были вооружены саблями и пистолетами, некоторые - винтовками, кое у кого из рабов были тяжелые палки. Рабы выполняли и функции оруженосцев.

Эр-риядский эмир разбирал споры из-за колодцев и пастбищ, племенных границ, распределения воды, собственности на верблюдов, обвинения в грабежах, иски о возмещении ущерба от полученных в драках ран. Каждый имел право обратиться непосредственно к нему. Иногда он был снисходительным и щедрым, иногда - жестким, легко вспыхивал, если слышал несправедливые или неаргументированные возражения. Он правил суд на основе шариата, но при этом учитывал и традиционное племенное право. Он имел власть над жизнью и смертью. Не было ни адвокатов, ни юристов, никто не знал об их существовании и не хотел знать. Он слушал доказательства двух сторон и принимал решения. Если он решал, что воровство доказано, виновному тут же отрубали руку и опускали обрубок в кипящее масло, чтобы прекратить кровотечение, потом всем присутствующим эту отрубленную руку демонстрировали.

Бывали случаи, когда родственники убитого обращались к нему с требованием наказать убийцу. Абдель Азиз мог приказать казнить убийцу, но не последует ли далее цепочка кровной мести? По обычаю страны можно было заплатить выкуп, чтобы не усугублять кровную месть между

племенами и кланами, и он, как правило, назначал в таких случаях выкуп, и это решение принималось обеими сторонами.

Обо всех действиях и решениях правителя судили люди, которые разносили рассказы о нем по всей стране. Он должен был принимать решения быстро, быть справедливым, и если надо - жестоким. Он не мог спрятаться за государственную машину, которой еще просто не было, не мог создавать иллюзию мудрости. Он был и правителем, и военачальником, и судьей. Если бы он колебался, демонстрировал незнание шариата и обычаев или был несправедлив, его не уважали бы как правителя, при первой возможности отказывались бы платить налоги и, самое главное, посылать воинов для участия в его походах. Он был абсолютным автократом. Но он был автократом по воле своего народа, который не знал, не хотел знать и не представлял себе другого типа правления.

В каждый город и оазис он назначал наместников, которые обеспечивали безопасность, собирали налоги и были готовы выставить воинов по его требованию. Обычно он выбирал их из представителей местной знати, если они не были его традиционными врагами. Иногда, если местная знать была настроена враждебно, он посылал из Эр-Рияда своего ставленника с сильной охраной.

Он подбирал местных правителей с большим вниманием, оценивая их характер и способности и хорошо зная, как действовать: или протягивать щедрую руку, или использовать железный кулак.

Когда он посещал какой-нибудь город или оазис, он виделся не только с правителем, но и со всеми натаблями. Он вместе с ними молился, пил кофе, обсуждал местные проблемы, расспрашивал о делах, раздавал подарки. К неумелым, нечестным и, особенно, к нелояльным наместникам он не знал жалости.

Абдель Азиз связывал правителей и шейхов племен круговой порукой. Они нередко соперничали и с удовольствием доносили друг на друга. Он хорошо знал, кто с кем дружит, кто с кем состоит в родстве или кровной вражде, причины их ссор и соперничества. В случае необходимости он играл на их противоречиях. Мало того, из Эр-Рияда направлялись религиозные проповедники и их ученики, которые считали себя хранителями чистоты ислама и доносили в Эр-Рияд каждый раз, когда видели отступление от религиозной практики или нелояльность к правителю.

МЕЖДУ СТАМБУЛОМ И ЛОНДОНОМ

В начале второго десятилетия XX в. над эмиратом сгущалась опасность. Хотя Османская империя была слаба, она не отказывалась от своих аравийских владений. Достраивалась железная дорога в Медину. Турки давали деньги Джебель-Шамару, племенам, враждебным Абдель Азизу, - *мутейрам* и *аджманам*. Ходили слухи, что в Багдаде собиралось войско для вторжения в Аравию.

Но начались Балканские войны. Турки потерпели поражение от итальянцев в Ливии. Болгары наступали на Стамбул. В этой обстановке контроль над ничего не значащим куском пустыни для турок был второстепенным делом. Они перебрасывали войска даже из Эль-Хасы, даже из Месопотамии, чтобы сосредоточить их там, где возникла наибольшая опасность. Тогда Абдель Азиз увидел свой шанс выйти к Персидскому заливу и захватить Эль-Хасу.

Эта провинция постоянно притягивала к себе внимание правителей Эр-Рияда. Дело было не только в том, что они считали ее своей законной вотчиной. Богатые оазисы Эль-Хасы и таможенные доходы могли укрепить финансовое положение Ааль Саудов. Эр-риядскому эмирату нужен был выход к морю. Но правитель Неджда по опыту жизни в Кувейте знал, что главная сила в Персидском заливе - англичане, и, начиная с 1903 г., он делал попытки установить с ними дружественные связи.

В начале 1912 г. Высокая Порта, занятая войной в Европе, пыталась получить поддержку от своих отдаленных аравийских провинций или обеспечить их нейтралитет. К Абдель Азизу была послана делегация, которая вела речь, в частности, о направлении неджийских войск для поддержки турецкого гарнизона в Эль-Хасе. Правитель Неджда почувствовал, что скоро Эль-Хаса, как созревший плод, упадет ему в руки.

Население Эль-Хасы, измученное вымогательствами и гнетом, смотрело на неджийцев как на избавителей. Еще в 1903 г. российский консул в Басре писал, что османский мютесарриф в Эль-Хасе «своим самоуправством и лихоимством довел арабское население санджака до изнеможения».

«Власть турок над Эль-Хасой была призрачной, - доносило российское консульство в Басре. - В первых числах мая Ибн Сауд, собрав около 8 тыс. хорошо вооруженных арабов, внезапно вторгся в Эль-Хасу и произвел нападение на Хуфуф. Большого труда ему овладеть городом не представляло»[2].

Опять-таки очень мудро Абдель Азиз решил не антагонизировать турок окончательно. Он разрешил эвакуировать их гарнизоны из Эль-Хасы с оружием и согласился формально признать сюзеренитет султана.

Присоединение Эль-Хасы резко усилило позиции правителя Неджда. Он получил два порта в районе Персидского залива и доходы от местных таможен. Но Абдель Азиз понимал ограниченность своих возможностей. Он уже достиг большого успеха. На западе лежал Хиджаз, где правил шериф Хусейн, который был его врагом и пока что опирался на турок. Он все еще называл шейха Кувейта Мубарака «отцом», просил его советов, но знал, что тот действует против него. Он не нападал на *шаммаров*, потому что знал их военную силу и способность сопротивляться, их готовность ударить, если его хватка над Неджом ослабеет.

Нужна была сила, консолидирующая всех его подданных. Сила духа, сила религии, идеалы, которые объединили бы и кочевни-

ков, и оседлых. Абдель Азиз должен был объединить людей на основе религиозного рвения и пыла. Для этого надо было быть строгим и отдавать себя только вере, только молитве.

«БЕЛЫЙ УЖАС» АРАВИИ

Кто знает, у кого в голове впервые появилась идея бедуинских поселений-хиджр, жители которых стали считать себя братьями-*ихванами*. Может быть, у самого Абдель Азиза, может быть - у его отца, но скорее всего у его тестя Абдаллы ибн Абдель Латыфа. Духовными отцами *ихванизма* считаются именно Абдалла ибн Абдель Латыф из семьи Ааль аш-Шейха, кади Эль-Хасы шейх Иса и некий Абдель Керим аль-Магриби, который прибыл в Аравию примерно на рубеже века и поселился в районе будущей хиджры Эль-Артавия. Если бедуины под руководством Абдель Азиза не могли больше совершать грабительские набеги, они должны были иметь более или менее постоянные источники доходов.

Этим источником должно было стать оседлое земледелие, а «братство» в служении Аллаху должно было стать важнее племенной преданности.

Помимо строгого соблюдения пяти основных положений ислама, к *ихванам* предъявлялись требования быть преданными своим «братьям», подчиняться эмиру-имаму, всячески помогать друг другу, а также отказываться от общения с европейцами и жителями управляемых ими стран.

Точная дата основания первой колонии Эль-Артавия неизвестна, но она, видимо, появилась в первую половину 1913 г.

Некоторые члены племени *мутейр* добровольно продали часть своих верблюдов и лагерного снаряжения, необходимого для поддержания бедуинского образа жизни, на рынках в Кувейте. Они поселились в районе Эль-Артавии и стали строить жилища, решив посвятить себя исключительно земледелию и изучению единобожия.

Традиционные узы родоплеменной взаимопомощи преобразовались во взаимопомощь *ихванов*: если кто-либо из них терял свое имущество в результате набега или падежа скота, «братья» организовывали сбор пожертвований в его пользу.

Абдель Азиз, поощряя оседлость, помогал *ихванам* деньгами, семенами, сельскохозяйственными орудиями, материалом для строительства мечетей, школ и поселений, а также посылал им религиозных учителей - *мутавва*. Кроме того, он обеспечивал воинов оружием и снаряжением для «защиты религии».

Эмиры хиджр, приезжая со свитой к Абдель Азизу не менее раза в год, получали от него денежное пособие и другие подарки, пользовались его гостеприимством. Имена эмиров регистрировались в специальных книгах, и размер пособия определялся в зависимости от их заслуг и численности последователей. Ежегодное вознаграждение получали *ихваны* - воины, занесенные в реестровые книги в канцелярии правителя Неджда. В качестве разового пособия по отдельным просьбам выдавались деньги на покупку продовольствия, скота или покрытие долга, на свадьбу или строительство дома.

Формальным условием для принятия в хиджру был отказ от обычаев и норм племенного образа жизни. Однако это требование на практике не соблюдалось, и в хиджрах селились в основном на племенной основе. Поселения *ихванов* фактически стали ставками шейхов крупнейших племен. Фейсал Ааль Давиш из *мутейров* обосновался в Эль-Артавии, Ибн Биджад из *атайбов* - в Эль-Гатгате, Ибн Нухайт из *харбов* - в Духне и Ибн Джибриль и Ибн Сунайян из *шаммаров* - в Эль-Аджфаре.

Религиозный пыл *ихванов* должен был направляться на поклонение Аллаху и, естественно, на службу его представителей на земле. Их религиозное и светское рвение должно было вознаграждаться, как и раньше, военной добычей, но не в виде межплеменных рейдов и грабежей на дорогах, а в войне с «многобожниками». Хозяйственная и социальная необходимость в оседании кочевников и в переходе к земледелию сочеталась с религиозным рвением и военными потребностями, но эти задачи могли противоречить друг другу, и некоторые хиджры распадались.

Новообращенные, как правило, были более фанатичными, чем старые последователи религии. *Ихваны* стали считать себя выше всех мусульман; все остальные были достойны презрения. Даже внешним видом они стали отличаться от других, красить бороды хной, укоротили свои белые *дишдаши* так, что они чуть покрывали колени.

Ихваны сделались «белым ужасом» Аравии. С их помощью Абдель Азиз уже к началу 20-х гг. XX в. в основном сломил сопротивление самых сильных бедуинских племен и установил в стране «беспрецедентный», по выражению английского писателя и путешественника Дж.Филби, порядок, или же, как назвали новый режим бедуины, «время намордника». Старинные привилегии шейхских домов - освобождение от уплаты закята, взимание налога-хувы с более слабых соседей - были отменены, хотя и сохранились в других формах и в ограниченных масштабах.

Ихваны считали «многобожниками» всех, кто к ним не присоединился, - как жителей оазисов и городов, так и кочевников. Во имя обновленной религии члены «братства» совершали немало жестокостей, но их фанатизм усиливал боеспособность войска Абдель Азиза.

Но он сам никогда не был фанатиком. Он прагматически использовал ихванское движение в своих целях, умело обходя его крайности.

(Окончание следует)

---

[1] *Armstrong Harold C.* Lord of Arabia: Ibn Saud. An Intimate Study of a King. London: Arthur Bakker Ltd. First published 1934, p. 72-73.

[2] АВПР, ф. Политархив, 1912-1914, д. 375, л. 94-95.